

УДК 39, 94

DOI: 10.31040/2222-8349-2020-0-4-53-57

НЕКОТОРЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УКРАИНЦЕВ-ПРОТЕСТАНТОВ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

© А.Н. Кляшев

Рассматриваются факторы, имеющие отношение к формированию религиозной идентичности протестантов-украинцев, являющихся членами протестантских религиозных организаций некоторых регионов Южного, Среднего и Полярного Урала: воздействие людей либо собственные экзистенциальные поиски, а также религиозная идентичность респондентов до принятия ими протестантизма. Более 60 % протестантов-украинцев родились за пределами России; они являются самой «зарубежной» по происхождению этноконфессиональной группой среди протестантов Урала. Данные по ним сравниваются с аналогичными данными по общей выборке. Большая, чем у российских протестантов, роль семейной преемственности в конфессиональном выборе, а также большая представленность бывших представителей «других», или «нетрадиционных», религий у протестантов-украинцев объясняется исторически обусловленным более весомым присутствием протестантизма на Украине и религиозным разнообразием ее конфессионального поля. Перед обретением протестантской идентичности под воздействием своих родителей респонденты-украинцы успевают получить опыт атеистического или иного религиозного мировоззрения, что свидетельствует об осознанных экзистенциальных поисках.

Ключевые слова: протестантские религиозные организации, украинцы, Уральский регион, религиозная идентичность, конфессиональный выбор.

Религиозный фактор приобретает все большее значение в жизни различных сторон современного общества – в сферах государственной политики [1, 2], образования [3], внутриконфессиональных [4, 5] и этноконфессиональных отношений [6]. Растущее влияние религии на жизнь современной России требует всестороннего изучения как функционирования религиозных организаций, так и комплекса этно-демографических, социальных и доктринальных характеристик их членов.

В 2013–2015 гг. Институтом этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН проводились исследования религиозных организаций трех основных направлений протестантизма (классического, позднего и пятидесятнического), функционирующих в четырех субъектах Российской Федерации, располагающихся на территории Уральского географического региона: Республики Башкортостан, Оренбургской области (Южный Урал), Удмуртской Республики (Средний Урал) и муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми (Полярный Урал). Исследования выявили следующий этнический состав членов

протестантских общин: русские составили 63.0% от выборки, татары – 14.1, башкиры – 4.9, удмурты – 4.4, украинцы – 3.1, марийцы – 2.9, чувашы – 2.0, мордва – 0.8%. На другие национальности (немцы – 1%, армяне – 0.7, ненцы – 0.6, евреи – 0.3, белорусы – 0.3, выбравших «другая национальность» – 0.5, на ангольцев, латышей, коми, казахов, литовцев, корейцев приходится по 0.1% – каждый этнос представлен 1 респондентом) в совокупности приходится 4.9%. За пределами России родились 10.1% респондентов, из них русских 6.3%, татар – 11.8, башкир – 9.8, удмуртов – 2.6, украинцев – 63.0, марийцев – 0, чувашей – 0, мордва – 0, немцы – 11.1%. Респонденты коми и казахи родились в России, респонденты узбек, кореец, литовец и латыш родились за рубежом.

Цель данной статьи заключается в раскрытии некоторых факторов, касающихся формирования религиозной идентичности самой крупной этнической группой протестантов Уральского региона, имеющей «зарубежное» происхождение – украинцев.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнение следующих задач:

– выявление определяющего фактора при выборе данной религиозной идентичности (воздействие людей – родственников, друзей и т.д., либо собственные экзистенциальные поиски);

– религиозная идентичность (либо ее отсутствие) респондентов до принятия ими вероисповедания, к которому они относят себя на момент опроса.

Объект исследования – украинцы – члены исследованных протестантских религиозных организаций Уральского региона; предметом исследования являются некоторые аспекты обретения религиозной идентичности респондентов.

Методологическая основа и материалы.

Сбор эмпирического материала, используемого в данной статье, осуществлялся методом социологии – интервьюированием. Опросы проводились с использованием анкет закрытого типа. На эмпирическом уровне исследования применялись также общенаучные методы измерения и сравнения. В качестве принципиального плана исследования выбрана индуктивная стратегия, предполагающая обобщение эмпирического материала в качестве модели объяснения исследуемого феномена; в целях теоретического обобщения эмпирических данных использовались методы анализа и синтеза.

Опросы проводились в 35 общинах религиозных объединений протестантов классического, позднего и пятидесятнического направлений, генеральная совокупность 3150 чел., выборка 862 чел. (27.3%). На территории Республики Башкортостан опросы проводились в 26 религиозных объединениях протестантов классического (лютеране Евангелиско-Лютеранской Церкви – ЕЛЦ (немецкой традиции), позднего (баптисты Российского Союза Евангельских христиан-баптистов – РЦ ЕХБ и христиан-адвентистов седьмого дня – ХАСД) и пятидесятнического (пятидесятники Российской Церкви Христиан веры евангельской Республики Башкортостан (далее – РЦ ХВЕ РБ, Российского Объединенного Союза Христиан Веры Евангельской – РОСХВЕ и Ассоциации христианских церквей – АХЦ «Союз Христиан») направлений, генеральная совокупность 1194 чел., выборка 538 чел. (45.0%). На территории Оренбургской области опросы проводились в 4 религиозных объединениях протестантов позднего (РЦ ЕХБ и ХАСД) и пятидесятнического направлений (Российская Церковь

«Слово Жизни» Христиан веры евангельской Оренбургской области – РЦ ХВЕ), генеральная совокупность 680 чел., выборка 167 чел. (24.5%). На территории Удмуртской Республики опросы проводились в 2 религиозных объединениях позднего (ХАСД) и пятидесятнического направлений (местная религиозная организация церковь «Дело Веры» Христиан веры евангельской пятидесятников г. Ижевска – МРО ХВЕП «Дело Веры»), генеральная совокупность 500 чел., выборка 115 чел. (23.0%). На территории муниципального образования городского округа Воркута Республики Коми опросы проводились в 3 религиозных объединениях протестантов пятидесятнического направления, генеральная совокупность 130 чел., выборка 42 чел. (32.0%).

Данные по респондентам-украинцам – членам исследованных протестантских общин Уральского географического региона – приводятся в сравнении с общими показателями по выборке. В составе выборки из Республики Удмуртия респонденты-украинцы отсутствуют.

Вероисповедание респондентов до принятия христианства протестантского направления

Результаты обработки полевых материалов демонстрируют, что самая крупная группа в общей выборке – респонденты, не исповедовавшие никакой религии – их 35.2%. На втором месте – внеконфессиональные верующие, «просто веровавшие в Бога» – их немного меньше, 32.8%. Третьи по численности – бывшие православные, которых в выборке 24.2%; следующие – бывшие мусульмане, их 5.2%. Выбравших ответ «другие религии» – 2.2%, исповедовавших буддизм – 0.2%, иудаизм – 0.1%.

Самая крупная у респондентов-украинцев – также респонденты, не исповедовавшие никакой религии – их 42.9%; на втором месте – бывшие православные – 21.4%. Третье место по численности делят внеконфессиональные верующие, «просто веровавшие в Бога» и выбравшие ответ «другие религии» – на каждую группу приходится по 17.9% (табл. 1).

Таким образом, мы видим, что среди респондентов-украинцев бывших атеистов и бывших православных больше, чем в общей выборке. Исповедовавших другие религии (в основном язычество и католицизм) среди протестантов-украинцев также больше, чем в общей выборке.

Т а б л и ц а 1

Вероисповедание респондентов до принятия христианства протестантского направления

	Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)	Общие данные по протестантским-украинцам (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=27)
Не исповедовал(а) никакой	35.2	42.9
«Просто верил(а) в Бога»	32.8	17.9
Православие	24.2	21.4
Илам	5.2	–
Иудаизм	0.1	–
Буддизм	0.2	–
Другие религии	2.2	17.9

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 гг.

Т а б л и ц а 2

Кто способствовал принятию христианства протестантского направления

	Общие данные по протестантским церквям (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=862)	Общие данные по протестантским-украинцам (Уральский регион, 2013–2015, % от числа опрошенных, N=27)
Супруг(а)	7.3	7.4
Родители	19.6	51.9
Дети	3.2	–
Друзья (друг, подруга)	35.6	11.1
Родственники (родственник)	12.0	14.8
Иностранцы миссионеры	2.1	–
Отечественные миссионеры	5.8	–
Незнакомый лично Вам христианин (христианка) протестантского вероисповедания	6.5	7.4
Сам(а) пришел (пришла)	7.9	7.4

Источник: ПМА – Полевые материалы автора – экспедиции в протестантские церкви Республики Башкортостан; Удмуртской Республики; Оренбургской области; Республики Коми. 2013–2015 гг.

Кто способствовал принятию христианства протестантского направления

Исследования выявили, что наибольшую роль в принятии христианства протестантского направления у респондентов из общей выборки сыграли друзья – выбравших эту позицию 35.6%, на втором месте верующие, принятию протестантизма которыми способствовали родители (19.6%), на третьем – пришедшие в это направление христианства при содействии родственника (12.0%). У респондентов-украинцев на первом месте по численности верующие, при-

шедшие в протестантизм при содействии родителей – их 51.9%. На втором месте выбравшие позицию «Родственники» – 14.8%, на третьем – те, кто отметил позицию «Друзья» (табл. 2).

Более половины респондентов-украинцев пришли в протестантизм при содействии родителей, среди верующих из общей выборки больше всего тех, на религиозный выбор которых повлияли друзья.

Выводы. Согласно приведенным выше материалам, самые крупные группы среди об-

щей группы и респондентов-украинцев – бывшие атеисты; у украинцев второе место занимают бывшие православные, занимающих третье место внеконфессиональных теистов и исповедовавших другие (нетрадиционные для России) религии – такие как неоязычество, псевдovосточные культы и католицизм – поворну. Внеконфессиональные теисты в общей выборке занимают второе место по численности, бывшие православные – третье. Выбравших ответ «Другие религии» среди респондентов общей выборки всего лишь 2.2% против 17.9% в выборке украинцев. Таким образом, главное отличие по этому параметру между респондентами из общей выборки и респондентами-украинцами – значительное количество у последних бывших представителей религий, которые на территории Российской Федерации попадают под определение «нетрадиционных», что, на наш взгляд, объясняется большим религиозным разнообразием на территории Украины (за пределами России родилось и проживало определенное время 63.0% респондентов-украинцев).

Более половины (51.9%) респондентов-украинцев пришли в протестантизм при содействии родителей, среди представителей общей выборки такие респонденты занимают по численности второе место – их более чем в два раза меньше (19.6%), что свидетельствует, на наш взгляд, о гораздо большей роли семейной преемственности в конфессиональном выборе у протестантов-украинцев, чем у российских протестантов.

Большая представленность бывших представителей «других», или «нетрадиционных», религий среди протестантов-украинцев исследованных областей Урала, а также более весомая роль семейной преемственности в украинских семьях в обретении конфессиональной идентичности является, на наш взгляд, следствием географической близости Украины (по сравнению с Россией) к Западу и соответственно большим присутствием протестантизма и католичества и большей степенью религиозной свободы на ее территории; в то же время имеют место экзистенциальные поиски верующих – судя по данным полевых материалов, перед тем как стать протестантами под воздействием своих родителей, респонденты-украинцы успевают получить в личной жизни опыт атеистического, теистического или «нетрадиционного» религиозного мировоззрения – религиозность родите-

лей не является залогом того, что их дети пойдут по их стопам и не предпримут попыток осуществить свои собственные поиски смысла бытия.

Статья написана в рамках Гос. задания по теме «Религии и духовная жизнь в поликультурном пространстве Южного Урала» (регистрационный номер АААА-А18-118042390021-3).

Литература

1. Мухаметзянова-Дуггал Р.М. Модель государственной политики в современной России // Вестник Московского государственного университета. Серия «История и политические науки». 2011. № 2. С. 220–225.
2. Мухаметзянова-Дуггал Р.М., Кляшев А.Н. Религиозные меньшинства России: теоретико-правовой и социальный аспекты // Вестник Башкирского университета. 2010. № 3. С. 776–881.
3. Надыршин Т.М. Основы религиозных культур и светской этики в городской школе (по материалам г. Уфы) // Мат-лы X Конгресса этнографов и антропологов России: тезисы докладов. Москва, 2–5 июля 2013 г. М., 2013. С. 287.
4. Вера. Этнос. Нация. Религиозный компонент этнического сознания / Ред. коллегия: М.П. Мchedlov (отв. ред.), Ю.А. Гаврилов, В.В. Горбунов и др. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Культурная революция, 2009. 400 с.
5. Хабибуллина З.Р. Социальный портрет мусульманского духовенства Башкортостана в начале XXI века // IX Конгресс этнографов и антропологов России: Тезисы докладов. Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г. Петрозаводск, 2011. С. 148.
6. Кляшев А.Н. Неопротестантские религиозные объединения Республики Башкортостан // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2011. № 2. С. 56–63.

References

1. Mukhametzyanova-Duggal R.M. The model of state policy in modern Russia. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo unversiteta. Ser. Istoriya i politicheskie nauki, 2011, no. 2, pp. 220–225.
2. Mukhametzyanova-Duggal R.M., Klyashev A.N. Religious minorities in Russia: Theoretical-legislative and social aspects. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 2010, no. 3, pp. 776–881.
3. Nadyrshin T.M. Fundamentals of religious cultures and secular ethics in urban school (according to the materials of Ufa). Materialy X Kongressa etnografov i antropologov Rossii. Tezisy dokladov. Moscow, July 2–5, 2013. Moscow, 2013, p. 287.
4. Faith. Ethnos. Nation. Religious component of ethnic consciousness. Editorial board: M.P. Mchedlov

(Editor-in-Chief), Yu.A. Gavrilov, V.V. Gorbunov et al. Second edition, revised and amended. Moscow, Kulturnaya revolyutsiya, 2009. 400 p.

5. Khabibullina Z.R. Social portrait of Muslim clergy of Bashkortostan in the early 21st century. IX Kongress etnografov i antropologov Rossii. Tezisy

dokladov. Petrozavodsk, July 4-8, 2011. Editorial board: V.A. Tishkov et al. Petrozavodsk, 2011, p. 148.

6. Klyashev A.N. Neo-Protestant religious associations in the Republic of Bashkortostan. Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN, 2011, no. 2, pp. 56–63.

**SOME FACTORS IN THE FORMATION OF RELIGIOUS IDENTITY
OF UKRAINIAN PROTESTANTS OF THE URAL REGION**

© A.N. Klyashev

R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre
of the Russian Academy of Sciences,
6, ulitsa Karla Marksa, 450077, Ufa, Russian Federation

This article examines the factors related to the formation of the religious identity among Ukrainian Protestants entering Protestant religious organizations in some regions of the South, Middle and Polar Urals: impact of other people or their own existential quest, as well as the religious identity of the respondents before they adopted Protestantism. More than sixty percent of Ukrainian Protestants were born outside of Russia; they are the most "foreign" in origin ethno-religious group among the Protestants of the Urals. Data on them are compared to similar evidence in the general sample. The greater role of family continuity in religious choice than among Russian Protestants, and also the greater percentage of former representatives of "other" or "non-traditional" religions among Ukrainian Protestant are explained by the historically more substantial presence of Protestantism in Ukraine and diversity of its religious field. Before acquiring the Protestant identity under the influence of their parents, Ukrainian respondents manage to gain experience of an atheistic or other religious worldview, which fact testifies to their conscious existential quest.

Key words: Protestant religious organizations, Ukrainians, Urals region, religious identity, religious choice.